

A man in a dark, possibly military or police uniform, stands with his back to the camera in a room. He is positioned between two sets of metal bunk beds. The room is dimly lit, but a bright, intense yellow light source, possibly a fire or a large lamp, is visible in the background, casting a strong glow on the man and the surrounding environment. The man's uniform appears to be dark and possibly reflective. The overall atmosphere is somber and dramatic.

Матвей Пеликанов

ЧЁРНЫЙ КОНВЕРТ

Матвей Пеликанов

Чёрный конверт

«Автор»

2026

Пеликанов М.

Чёрный конверт / М. Пеликанов — «Автор», 2026

Потеряв родных в страшной катастрофе, Андреас попадает в кадетский корпус. Он сталкивается с настоящей ненавистью со стороны других детей, оставшихся сиротами - отца Андреаса считают виновником катастрофы. Однако Андреас узнаёт неудобную правду, и ему приходится решать, что делать с этой правдой.

© Пеликанов М., 2026

© Автор, 2026

Матвей Пеликанов

Чёрный конверт

Неровная растерянная шеренга выстроилась на плацу. Было пасмурно и холодно, шипели Л-фильтры. Офицеры в серой форме тихо переговаривались. Толстый пацан справа от меня сопел и хмурился. Мальчик слева шмыгал носом и поддёргивал сползавшие штаны. Мне достались не сползающие штаны, только коротковатые, а вот мягкая серая толстовка была велика. Одежда, которую нам выдали в лагере сразу же после выхода из скатлера на Землю, пахла стиркой и чем-то медицинским. Наши собственные вещи, пропитавшиеся гарью и едкой химией, сожгли в печках на колёсиках прямо в лагере.

- Ра-внясь! - вдруг громко и непонятно крикнул длинноносый офицер в серой форме. Я посмотрел на соседей справа и слева, но они тоже крутили головами. Офицер разочарованно протянул: - Атста-а-авить... По порядку номеров...

- Рубик, отстаньте от детей! - дребезжащий голос прервал длинноносого офицера. От крыльца пятиэтажного бетонного здания торопливо шагал круглый старичок в форме. Рядом с ним шла высокая женщина в чёрном комбинезоне.

- Вы почему не включили пушки? Дети же простудятся, Рубик, ради бога включите пушки!

- Есть, господин полковник, - офицер Рубик ткнул в свой пэд. Меня окатило теплом от инфракрасной пушки, и я понял, что до этого мелко дрожал.

Полковник остановился перед шеренгой, снял фуражку и вытер платком вспотевшую лысину. Женщина встала за его плечом. У неё были блестящие чёрные волосы, собранные в тугий пучок. Женщина была очень красивая, но у неё совсем не двигалось лицо, только глаза быстро метались из стороны в сторону. Это было страшновато.

- Так, дети, - начал полковник, - рад вас видеть... Тьфу, пропасть! Какое там рад. Я вам очень сочувствую. Беда такая, такая потеря!.. - полковник замолчал, пожевал толстую нижнюю губу, а потом продолжил: - В общем, дети, давайте знакомиться. Меня зовут Андрей Василич Губкин, полковник, директор кадетского корпуса имени Луначарского. Вот, вы теперь знаете меня. И мне тоже надо с вами познакомиться. Давайте вы по очереди, слева направо, будете себя называть, идёт?

Полковник Губкин достал из кармана пэд и разложил его. Глянув на экран, полковник поднял глаза на первого пацана в шеренге, самого высокого. Тот тряхнул светлыми волосами и сказал:

- Антон Лайне.

Антон повернул голову влево и кивнул следующему. Тот тоже представился, повернулся к следующему, и переключка пошла своим чередом: каждый называл своё имя и поворачивал голову налево, а Андрей Василич кивал и тыкал пальцем в пэд.

Сопящий толстяк справа от меня буркнул:

- Фёдор Прикорм.

Он повернул голову и выжидающе уставился на меня. Помедлив, я сказал:

- Андреас Миккелер.

На плацу вдруг наступила тишина, слышался только шорох Л-фильтров. Я повернул голову налево и встретился взглядом с соседом. Его глаза были очень круглые, а потом они сузились, он отвернулся от меня, подтянул штаны и прошипел свои имя и фамилию.

Переключка дошла до конца шеренги, Андрей Василич сложил пэд и убрал его в карман.

- Так, дети, - начал полковник, заложив руки за спину. - Вы теперь не просто дети, вы - воспитанники кадетского корпуса имени Луначарского. Надеюсь... надеюсь, ненадолго. По крайней мере, не все надолго. Сейчас мы проверяем больницы, там ещё не всех опознали.

Может быть, найдутся ещё чьи-то родители. Также мы ищем других ваших родственников. Тёти, дяди, дедушки, бабушки, двоюродные, троюродные... Счётчики уже работают. Если Счётчики найдут родственников, то мы с ними свяжемся, и они за вами придут.

- А если не найдут? - Антон Лайне, самый высокий в шеренге, снова тряхнул волосами и вызывающе уставился на полковника. Пацан слева от меня шмыгнул носом, Фёдор Прикорм засопел ещё сильнее и что-то пробурчал.

- Если не найдут? - переспросил Губкин и снова закусил нижнюю губу. Он сунул было руку в карман с пэдом, сразу достал её обратно, нахмурился, но тут женщина в чёрном наклонилась к уху полковника. Тот с облегчением проговорил:

- Вот комиссар Дейч вам хочет что-то сказать. Амира, прошу вас.

Комиссар Дейч шагнула вперёд и обвела нас взглядом очень чёрных глаз. Шеренга затихла.

- Я не буду вас жалеть, - сказала Амира Дейч. - Вас и так все жалеют. То, что ваши родные погибли - несправедливо, но жалость никого не вернёт.

Фёдор Прикорм насупил брови и сжал кулаки. Кто-то в левом конце шеренги громко всхлипнул. Взгляд Дейч скользнул в ту сторону, потом обратно и задержался на мне. Я опустил голову, а комиссар снова начала говорить, глядя прямо на меня:

- Ваших родных убила некомпетентность. Их убили жадность и безответственность. Безответственность тех, кто пренебрёг директивами Счётчиков ради своей наживы. Я думаю, этот день мы очень хорошо запомним. Мы запомним, что бывает от безответственности. Мы запомним, что бывает, если не выполнять директивы. Мы запомним?

Зазвучал нестройный гул детских голосов. Комиссар Дейч кивнула и шагнула назад.

- Спасибо, Амира, спасибо, - закивал Андрей Василич. - Так, дети, теперь вас офицеры проводят в спальни, устройтесь там. Потом обед, после обеда пойдёте к психологам. Всё, вольно, шагайте!

Мне достался нижний ярус металлической двухэтажной кровати, одной из шестнадцати в нашей спальне. На покрывале лежал пакет с наклейкой "Миккелер Андреас". Я сел на край кровати. Проходы между кроватями были очень узкими, потому что комната была рассчитана на восемь кроватей, а ещё восемь в неё поставили к нашему прибытию. Старые кровативы выглядели уютными, обжитыми. На тумбочках лежали зарядки для пэдов и всякая личная мелочь. В спальне пахло дезодорантом и немножко носками.

Я развернул пакет и достал из него чёрную толстовку, серые штаны с разными карманами и серую форменную куртку. Рядом с кроватью стояла пара высоких чёрных синтикожаных ботинок. Я быстро переоделся. Форма очень хорошо подошла мне, она сидела гораздо лучше, чем трикотажные пижамы, которые нам выдали в лагере на скатлерной площадке "Балтика". Зеркала в спальне не было, поэтому я немного отошёл от окна и посмотрел на своё отражение в стекле. Лица в таком отражении было почти не видно, в окне как будто стоял солдат в серой форме. Я снова почувствовал едкий запах горячей химии, услышал вой сирены и пробивающееся сквозь него истеричное бибиканье машины сзади нашего автобуса. Мои ноги стали какими-то слабыми и мягкими, на всякий случай я снова сел на кровать.

Автобус намертво встрял в пробку. Дорога к скатлеру шла через ущелье, и там, видимо, что-то случилось. По крайней мере, так вполголоса говорил водитель автобуса учительнице. Я слышал это, потому что сидел на первом ряду. Рядом со мной сидела девчонка-первоклашка, которая начинала хныкать от страха, как только я прекращал пересказывать "Невероятные приключения осьминога-планетолога Октавиуса Спрута". Хорошо, что я помнил наизусть те серии, которые Эмма смотрела чаще всего.

Конечно, успокаивать девчонку, которую звали Лина, должна была учительница, а не я. Но учительница постоянно шептала водителю или поправляла ирпис у себя в ухе и тыкала в

пэд, пытаюсь с кем-то связаться. Сеть исчезла ещё когда мы ждали автобусы у школы, прямо пока я разговаривал с мамой. Мама успела сказать, что садится с Эммой в машину, и что мы встретимся у скатлера.

Учительница и водитель пытались решить, что делать. Учительница хотела сделать всем маски из ткани, вывести из автобуса и пешком бежать к скатлеру, а водитель считал, что надо заткнуть в автобусе все щели и переждать. Они спорили и никак не могли договориться, а потом водитель вдруг замолчал и ткнул пальцем в зеркало заднего вида.

В зеркале был виден город, и над его крышами вспухало мутное желтоватое облако. Учительница тоже замолчала, и я замолчал. Машины вдруг загудели так громко, что я перестал слышать хныканье Лины. Она уткнулась лицом мне в бок, размазывая сопли по рубашке. Все школьники в автобусе тоже замолчали и стали вертеть головами, пытаюсь разглядеть через окна, что там происходило. А в окно я видел, как из машин выскакивают люди и начинают бежать вперёд, к ущелью, а навстречу им бегут солдаты в серой форме, в масках и с тяжелыми мешками за спиной, расталкивая и даже сбивая с ног тех, кто им мешает.

Один солдат подбежал к нашему автобусу и забарабанил кулаком в дверь. Водитель открыл, солдат запрыгнул в автобус. Он швырнул мешок на пол и развязал затяжки. “Респираторы” - голос из-под маски прозвучал глухо. - “Размер один, надевайте всем и за мной. Ну, живо!”

Солдат вытянул из мешка похожую на осьминога охапку респираторов. Учительница, спохватившись, взяла респираторы и пошла по проходу между креслами. Я помог Лине надеть маску и подтянуть её, а потом пропел задуманным респираторным голосом “Он тут, и он крут! Непревзойдённый - Октавиус Спрут!”. Лина шмыгнула носом и так же респираторно хихикнула. Мы стали выбираться из автобуса.

Жёлтое облако перехлестнуло через город и поползло к ущелью. Выбравшиеся из автобуса школьники замирали, зачарованно глядя на облако. Учительнице и солдатам приходилось подгонять детей. Наконец, получилось выстроить колонну. Первыми стояли двое солдат, затем мы с Линой, потом ещё двадцать пар. Учительница с водителем и вторая пара солдат замыкали колонну. “Бегом - марш!” - команда прозвучало глухо и невнятно, но мы сразу же рванули вперёд, следом за крепкими спинами в серых форменных куртках.

Пара солдат во главе колонны работала как таран. Они распихивали замешкавшихся людей, толпящихся у мешков с респираторами, отбрасывали с дороги брошенные вещи. Они даже дважды двигали оставленные машины, перегородившие дорогу. Потная ладошка Лины так и норовила выскользнуть из моей руки - первоклашка спотыкалась, задыхалась, пыталась снять респиратор, и только авторитет Октавиуса Спрута помогал хоть как-то держать её на ногах.

Мы приближались к ущелью, и солдатам впереди колонны всё чаще приходилось притормаживать, расталкивать, уговаривать, распихивать... У входа в ущелье мы встали. Впереди между машинами стояли люди, и им было некуда сдвинуться, некуда сделать шаг. А сзади напозало жёлтое облако, и даже сквозь респиратор чувствовался едкий, горький и очень тревожный запах горячей химии. Солдаты ругались с людьми, озабоченно переговаривались друг с другом, поправляли ирписы и клали ладони на кобуры с пистолетами, но двигаться было некуда. Лина устало опустилась на асфальт и прислонилась спиной к огромному колесу брошенного пикапа. Я собрался было сесть рядом с ней, но тут что-то грохнуло, а потом ещё и ещё раз. Толпа, заполнявшая пространство между машинами, загудела и подалась в стороны, место, чтобы сдвинуться, сразу нашлось.

Путь в толпе пробивали несколько людей в чёрных костюмах - то ли комбинезонах, то ли скафандрах, очень лёгких и гибких. В руках у них были короткие автоматы, и они стреляли из них в воздух. Солдаты во главе нашей колонны напряженно замерли, один из них расстегнул кобуру, а другой и вовсе достал пистолет. А люди в чёрном подбирались к нам всё ближе и

ближе, оставалось метров пятьдесят, и большой толстый дядька встал у них на пути, размахивая руками - снова грохнуло, и дядька повалился на асфальт. Первый чёрный человек перешагнул через него и бросился к нам, а двое следующих, взяв дядьку за руки и ноги, забросили его под грузовик. Голос чёрного человека из динамиков его шлема звучал чисто и ясно: “До скатлера расчистили. Порядок, двигаем?..”

Вдруг что-то заслонило мне свет. Подняв голову, я увидел, что рядом с моей двухэтажной кроватью столпилось человек десять, а то и больше. Прямо передо мной, засунув руки в карманы форменной серой куртки, стоял Антон Лайне.

- Миккелер, значит? - спросил Антон.

Я молча кивнул.

- Как в “Добывающая компания Попова и Миккелера”? - уточнил он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.